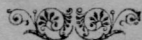

Т. В. Вернадскій.

Павелъ Николаевичъ
Милюковъ.

Цѣна 40 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.

Лештуковская Паровая Скоропечатня „Свобода“. Лештуковъ, 13.

1917.

Va 3514

Т. В. Вернадскій.

Павелъ Николаевичъ
Милюковъ.

Цѣна 40 коп.

ENSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu

ПЕТРОГРАДЪ.

Лештуковская Паровая Скоропечатня „Свобода“. Лештуковъ, 13.

1917.

EESTI

RAHVUSRAAMATUKOOL

2-08-03904

ПАВЕЛЬ НИКОЛАЕВИЧЪ МИЛЮКОВЪ.

I. Студенческіе годы и профессорская дѣятельность (1878—1895).

П. Н. Милюковъ не капиталистъ и не помѣщикъ—въ противность тому, что теперь часто приходится слышать; онъ—ученый, политикъ и писатель. У него нѣтъ ни фабрикъ, ни имѣній; у него есть только книги. Съ гимназической скамьи (еще гимназистомъ онъ началъ давать уроки) и до самой революціи Милюковъ жилъ трудовою жизнью, зарабатывая себѣ средства къ существованію учительскимъ и литературнымъ трудомъ; въ этомъ ему помогала его жена, вышедшая изъ демократической, тоже профессорской семьи.

Родители Милюкова были люди такого же интеллигентскаго труда, какъ онъ самъ. Отецъ его былъ профессоромъ-архитекторомъ въ Москвѣ.

Павель Николаевичъ родился въ 1859 году; учиться его отдали въ I московскую гимназію. Окончивъ ее и проработавъ лѣто 1877 года на закавказскомъ фронтѣ, въ качествѣ уполномоченнаго московскаго санитарнаго отряда, Милюковъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета и занялся изученіемъ русской исторіи. Учителемъ его, любимымъ профессоромъ, былъ знаменитый русскій историкъ В. О. Ключевскій. Студенческіе годы Милюкова совпали съ политическимъ броженіемъ въ Россіи. Полицейская система вызывала рѣзкій отпоръ: надо вспомнить, что какъ-разъ въ 1879—1881 годахъ призошелъ рядъ покушеній на царя Александра II; покушенія закончились убійствомъ царя 1 марта 1881 г. Событія, которыя тревожили всю Россію, волновали и студенчество. Студенты

старались объединиться въ одно цѣлое, сплотиться въ тѣсную товарищескую корпорацію.

Милюковъ принималъ дѣятельное участіе въ студенческомъ движеніи; одно время онъ былъ выбранъ председателемъ студенческаго товарищескаго суда чести. Милюковъ стремился наладить правильное самоуправленіе студенчества: по его мнѣнію, студенчество должно было рѣшать свои дѣла не беспорядочно, на «общей сходкѣ», а черезъ правильно выбранныхъ представителей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Милюковъ живо интересовался и обще-политическими вопросами. Послѣ юридическихъ лекцій профессора Муромцева (впоследствии сотоварища Милюкова по партіи и председателя первой Государственной Думы) завязывались иногда оживленные бесѣды профессора со студентами. На этихъ бесѣдахъ Милюковъ не разъ напоминалъ товарищамъ слова другого профессора, Чичерина, о томъ, что иногда нравственная необходимость заставляетъ человѣка протестовать, хотя ему и кажется, что протестъ этотъ на дѣлѣ ни къ чему не приведетъ.

Въ 1881 году, за дѣятельное участіе въ студенческихъ волненіяхъ, Милюковъ былъ исключенъ на годъ изъ числа студентовъ Московскаго университета. Въ слѣдующемъ году онъ все-таки окончилъ университетъ. Къ этому времени относится первая поѣздка Милюкова за границу, гдѣ на этотъ разъ онъ занялся изученіемъ политической и художественной жизни Италіи.

Прошли студенческіе годы; нужно было выбрать себѣ дальнѣйшую жизненную дорогу. Милюковъ рѣшился заняться научнымъ и учительскимъ трудомъ, сдѣлался (съ 1886 г.) приватъ-доцентомъ Московскаго университета и преподавателемъ женскихъ педагогическихъ курсовъ: онъ читалъ лекціи по русской исторіи. Кромѣ того, онъ былъ учителемъ исторіи въ 4-ой женской гимназіи и въ земледѣльческой школѣ.

Главной задачей, которой себя посвятилъ въ эти годы Милюковъ, было научное изслѣдованіе русской исторіи конца XVII—начала XVIII вѣка. Милюковъ для этого ѣздилъ

и въ Петербургъ, пересматривалъ документы въ Государственномъ Архивѣ.

Въ результатѣ долгой работы имъ была напечатана въ 1892 году большая книга подъ заглавіемъ „Государственное хозяйство въ Россіи въ первой четверти XVIII вѣка и реформа Петра Великаго“. Это—спеціальный, ученый, солидный трудъ. Московскій университетъ присудилъ Милюкову за это сочиненіе степень „магистра русской исторіи“. За эту же книгу Милюковъ получилъ премію имени историка Соловьева. До сихъ поръ русскіе историки неизмѣнно изучаютъ эту книгу; выводы, къ которымъ книга пришла, повторяются всеми учебниками по русской исторіи. Можно сказать, что работой Милюкова воспользовались очень многіе русскіе образованные люди.

Названной книгой не ограничилась ученая дѣятельность Милюкова. Изъ другихъ (позднѣйшихъ) его работъ укажемъ замѣчательныя „Главныя теченія русской исторической мысли“—изслѣдованіе о томъ, какъ и почему занимались въ Россіи русской исторіей, и „Очерки по исторіи русской культуры“. Въ этихъ „Очеркахъ“ Милюковъ отчетливо и ясно представилъ общій ходъ развитія Россіи; Милюковъ обнаружилъ здѣсь необыкновенно разностороннія знанія во всехъ отрасляхъ русской исторіи и яркій литературный талантъ.

Уже въ первые годы своей московской профессорской жизни Милюковъ написалъ много мелкихъ ученыхъ изслѣдованій; часть ихъ была имъ потомъ напечатана въ сборникѣ подъ заглавіемъ „Изъ исторіи русской интеллигенціи“.

Однако, Милюковъ не только писалъ книги и читалъ лекціи для настоящихъ и будущихъ ученыхъ. Онъ хотѣлъ внести больше свѣта и знаній въ широкіе круги русскихъ людей. Его заинтересовало то, что дѣлалось съ такими же цѣлями въ Англіи. Тамъ профессора и преподаватели университетовъ стали „распространять“ университетскія знанія по всей странѣ: издавали научныя книги для менѣ образованныхъ круговъ читателей, читали лекціи въ такихъ городахъ, гдѣ не было университетовъ, или въ рабочихъ кварталахъ большихъ городовъ. Милюковъ нарочно ѣздилъ

въ Англию, чтобы на мѣстѣ видѣть это „распространеніе университета“ (University Extension) въ народѣ.

Съ кружкомъ сторонниковъ и друзей Милюковъ началъ проводить эти задачи и въ Россіи. Не забудемъ, что это были тяжелыя условія царскаго гнета: запрещено было свободно писать и говорить. Самое безобидное просвѣтительное дѣло должно было проходить сквозь строй полицейскихъ стѣсненій. Несмотря на всѣ трудности, въ Москвѣ была основана „Комиссія по организаціи домашняго чтенія“, первымъ предсѣдателемъ которой былъ Милюковъ.

Мало-по-малу удалось начать и другое дѣло „распространенія университета“ по Россіи. Въ 1894 году (въ началѣ царствованія Николая II) Милюкову разрѣшено было прочесть въ Нижнемъ-Новгородѣ нѣсколько публичныхъ лекцій по исторіи общественныхъ движеній на Западѣ.

Поѣздка въ Нижній вызвала, однако, толки и опасенія среди лицъ, начальствовавшихъ въ то время надъ Россіей и русскимъ просвѣщеніемъ. Къ этому прибавились и другіе политическіе проступки, которые, по мнѣнію начальства, совершилъ Милюковъ. Узнали, что Милюковъ участвовалъ въ письмѣ, съ которымъ обратились къ министру народнаго просвѣщенія нѣкоторые московскіе профессора; въ этомъ письмѣ высказано было, что необходима большая свобода студенческой жизни. Милюковъ не подписался подъ этимъ обращеніемъ, такъ какъ рѣшено было, что приватъ-доценты не будутъ его подписывать; тѣмъ не менѣе, участіе Милюкова не осталось незамѣченнымъ. Еще былъ въ это время поданъ доносъ на Милюкова, что онъ сносится со студентами, устроившими тогда первый съѣздъ студентовъ всѣхъ русскихъ университетовъ.

По всѣмъ этимъ основаніямъ, Милюковъ былъ взятъ подъ подозрѣніе. Вскорѣ изъ министерства прислали въ университетъ бумагу, въ которой сказано было, что Милюковъ отрѣшается отъ обязанностей приватъ-доцента. Вслѣдъ за тѣмъ ему была воспрещена учительская дѣятельность, и онъ былъ высланъ изъ Москвы.

II. Годы странствованій (1895—1905).

Началась вынужденная скитальческая жизнь Милюкова: годы его странствованій. Милюкову позволили ѣхать въ какой угодно городъ внѣ Московской губерніи, лишь бы въ этомъ городѣ не было университета. Милюковъ выбралъ сперва Ярославль, но это было ему запрещено, такъ какъ въ Ярославлѣ есть высшее учебное заведеніе—Демидовскій юридическій лицей. Тогда Милюковъ намѣтилъ другой городъ поближе къ Москвѣ—Рязань. Тутъ препятствій не нашлось. Передъ отъѣздомъ, слушатели и слушательницы Милюкова по университету и женскимъ педагогическимъ курсамъ устроили ему трогательные проводы на вокзалѣ желѣзной дороги.

Въ Рязани судьба дала Милюкову передышку—два года мирной спокойной жизни. Милюковъ написалъ здѣсь первый томъ своихъ „Очерковъ по исторіи русской культуры“. Въ свободное отъ писанія время Милюковъ занимался археологическими раскопками въ Рязанской губерніи, а также игрою на скрипкѣ. Въ Московскую губернію за эти два года ему было разрѣшено ѣхать только на одинъ вечеръ — въ городъ Коломну, гдѣ онъ участвовалъ въ концертѣ.

Тѣмъ временемъ шло разслѣдованіе политическихъ проступковъ Милюкова. Въ Рязань для допроса пріѣзжалъ А. А. Лопухинъ (впослѣдствіи директоръ департамента полиціи) съ тетрадкой, которую достали отъ одного изъ слушателей нижегородскихъ лекцій Милюкова. Въ тетрадкѣ записаны были лекціи, а тѣ мѣста, которыя вызывали особое подозрѣніе—подчеркнуты краснымъ карандашомъ.

По разслѣдованіи, судебное дѣло на второй годъ рязанской жизни Милюкова было прекращено, однако вернуться въ Москву ему не позволили. Намѣчена была дальнѣйшая его высылка (въ административномъ порядкѣ) на два года въ Уфу. Высылка эта не состоялась: дѣло было еще разъ пересмотрѣно, обнаружены искаженія и подтасовки со стороны слѣдователя, и высылка была замѣнена отдачей

подъ гласный надзоръ полициі на два года. Какъ-разъ въ это время Милюковъ получилъ приглашеніе изъ Болгаріи — читать лекціи по исторіи въ Софійскомъ университетѣ. Передъ тѣмъ эти лекціи читалъ другой русскій профессоръ, удаленный изъ русскаго университета — М. П. Драгомановъ. По смерти Драгоманова, болгары стали искать замѣнъ тоже русскаго ученаго; узнали, что Милюковъ „свободенъ“ отъ своихъ занятій въ Россіи — и пригласили его.

Русское правительство согласилось замѣнить полицейскій надзоръ въ Рязани отъѣздомъ за предѣлы Россіи. Благодаря этому, Милюковъ могъ принять предложеніе болгарь.

Весной 1897 года онъ перебрался въ Софію. Тамъ онъ быстро освоился въ новой странѣ, перезнакомился съ главнѣйшими болгарскими учеными и политическими дѣятелями; въ скоромъ времени онъ могъ уже говорить на болгарскомъ языкѣ. Лекціи въ университетѣ Милюковъ читалъ по-русски; на практическихъ же занятіяхъ студенты отвѣчали по-болгарски.

Несмотря на то, что Болгарія едва лишь двадцать лѣтъ, какъ освободилась отъ турецкаго ига, политическая жизнь въ ней была гораздо болѣе развита, чѣмъ въ тогдашней Россіи. Князь (все тотъ же Фердинандъ!) ограниченъ былъ по конституціи народнымъ собраніемъ. Выборы въ это собраніе устраивались на основаніи всеобщаго избирательнаго права. Въ дѣйствительности князь и его министры много вмѣшивались въ выборы, иногда подтасовывали ихъ по своему желанію, но часто имъ это не удавалось, народъ добивался назначенія своихъ министровъ, и князь подчинялся. Политическая жизнь кипѣла.

Милюковъ съ интересомъ присматривался ко всему, что для него было ново — и даже составилъ исторію болгарской конституціи. Оказалось, однако, что кто-то съ интересомъ присматриваетъ и за самимъ Милюковымъ. Это былъ русскій посоль въ Софіи Бахметьевъ. Онъ не могъ простить Милюкову, что тотъ, по пріѣздѣ въ Софію, не сдѣлалъ визита послу. Съ большимъ неудовольствіемъ онъ взиралъ

на успѣхъ выгнаннаго изъ Россіи профессора въ болгарскомъ университетѣ. 6 декабря 1897 года, въ день именинъ русскаго царя, Милюковъ не пришелъ на торжественный пріемъ къ послу. Послѣ этого скоро окончилось его профессорство въ Софіи. Вслѣдствіе особой ноты русскаго министра иностранныхъ дѣлъ Ламздорфа, болгарское правительство вынуждено было воспретить Милюкову чтение лекцій въ Софійскомъ университетѣ.

Послѣ этого Милюковъ еще годъ жилъ въ Болгаріи частнымъ человѣкомъ, ѣздилъ въ Македонію (тогда турецкую область, позже спорную между сербами и болгарами), гдѣ по порученію русскаго Археологическаго Института производилъ раскопки, изучалъ памятники старины и современное состояніе македонскаго народа. Милюковъ, на основаніи всего, что видѣлъ, вынесъ тогда впечатлѣніе, что македонцы скорѣе болгары, чѣмъ сербы. Кромѣ того, Милюковъ посѣтилъ и Турцію, былъ въ Константинополь, переѣзжалъ за Дарданеллы въ настоящую Турцію, посѣтилъ старинный турецкій городъ Конію. Во время поѣздокъ Милюковъ вочію могъ убѣдиться въ гнилости турецкаго режима.

Въ 1899 году истекъ срокъ высылки Милюкова. Ему разрѣшено было вернуться въ Россію. Онъ пробѣжалъ прямо въ Кіевъ на ученый археологическій съѣздъ. Оттуда онъ телеграфно просилъ разрѣшить ему жить въ Петербургѣ. Разрѣшеніе было дано.

Въ Петербургѣ Милюковъ занялся литературнымъ трудомъ. Онъ писалъ статьи въ журналѣ „Міръ Божій“ и въ „Большой Энциклопедіи“ и принималъ участіе въ редактированіи этихъ изданій. Тогда же Милюковъ близко подружился со многими писателями-народниками: Михайловскимъ, Анненскимъ, Пѣшеховымъ, Мякотинымъ. Вмѣстѣ съ ними Милюковъ принималъ участіе въ собраніяхъ и вечеринкахъ учащейся молодежи; на этихъ собраніяхъ обсуждались и политическіе вопросы. Во всѣхъ разговорахъ съ участниками вечеринокъ Милюковъ настаивалъ на важности и необходимости добиваться прежде всего политическихъ реформъ. 5 декабря 1900 года устроена была вечеринка въ память писателя-изгнанника, революціонера Лав-

рова. Милюкова выбрали председателемъ этой вечеринки. Это сдѣлалось извѣстнымъ, кому слѣдуетъ. Полиція начала усипленно слѣдить за Милюковымъ.

Въ началѣ 1901 года Милюковъ былъ арестованъ и провелъ четыре мѣсяца въ предварительномъ заключеніи. Сидя въ тюрьмѣ, онъ получилъ предложеніе американскаго друга Россіи, миллионера Крена—пріѣхать въ Америку читать лекціи о Россіи. Милюковъ согласился. Лекціи были назначены на лѣто 1903 года. Между тѣмъ, совѣтъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, разсмотрѣвъ дѣло Милюкова, предложилъ ему на выборъ: высылку въ восточныя губерніи безъ права возвращенія въ Петербургъ или шесть мѣсяцевъ тюрьмы. Милюковъ предпочелъ послѣднее, но просилъ, чтобы передъ этимъ, въ виду американскаго предложенія, ему разрѣшено было съѣздить въ Англію для усовершенствованія въ англійскомъ языкѣ.

Изъ Англіи Милюковъ къ назначенному сроку вернулся въ Петербургъ и сѣлъ въ тюрьму. Въ тюрьмѣ онъ написалъ первый выпускъ третьей части своихъ „Очерковъ по исторіи русской культуры“. Въмѣсто назначенныхъ 6 мѣсяцевъ, Милюковъ отсидѣлъ въ тюрьмѣ менѣе трехъ. За него заступился его старый учитель, московскій профессоръ Ключевскій, который написалъ письмо министру внутреннихъ дѣлъ Плеве; Ключевскій просилъ отпустить изъ тюрьмы Милюкова для пользы русской науки.

Вслѣдствіе письма Ключевского, Плеве вызвалъ Милюкова изъ тюрьмы и послѣ длинной бесѣды сказалъ: „Я увидѣлъ изъ разговора съ вами, что другомъ правительству вы быть не можете; если будете жить тихо, я васъ не трону; но помните, что, въ случаѣ общей сумятицы, просто смету васъ“.

По выходѣ изъ тюрьмы Милюковъ лишенъ былъ права жить въ Петербургѣ. Онъ поселился въ ближайшихъ окрестностяхъ, на станціи Удѣльная Финляндской желѣзной дороги; послѣ долгихъ пререканій, мѣстная полиція разрѣшила ему тамъ проживать.

Въ Удѣльной Милюковъ прожилъ зиму 1901—1902 годовъ, лѣто 1902 и слѣдующую зиму 1902—1903 годовъ. Все

это время онъ провелъ въ усиленныхъ занятіяхъ англійскимъ языкомъ и въ подготовкѣ къ своимъ американскимъ лекціямъ. Лѣтомъ 1903 года Милюковъ отправился въ Чикаго. Всего онъ прочелъ 12 лекцій (онѣ составили потомъ I часть его англійской книги „Россия и ея кризисъ“ — „Russia and its crisis“). Слушателей было до 400—въ большинствѣ американскіе учителя и учительницы, съѣхавшіеся на лѣтнее время въ Чикаго, чтобъ послушать „вольныя“ лекціи университетскихъ профессоровъ.

Въ своихъ лекціяхъ Милюковъ знакомилъ американцевъ, а черезъ нихъ англичанъ — съ Россіей и русскимъ народомъ. Въ Америкѣ, какъ и въ Западной Европѣ, распространено было убѣжденіе, что, конечно, въ Россіи кое-что есть хорошаго, но что отъ Россіи все-таки нечего ждать для человѣчества: это бѣдная, темная, забытая страна, безъ сознанія и безъ политической жизни. Народъ русскій дѣлаетъ все, что прикажутъ ему чиновники и генералы.

Милюковъ говорилъ американцамъ, что есть двѣ Россіи: одна казенная, которую изображаетъ министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве, и вторая Россія—народная, которой представитель Левъ Толстой. Казенная Россія закрыла собой отъ глазъ иностранцевъ весь русскій народъ. Но жива Россія народная—растетъ народное движеніе, дѣлаются все болѣе сознательными интеллигенція, рабочіе и крестьяне; не далеко часъ, когда народная Россія выйдетъ на первый планъ; американская и европейская демократіи должны почувствовать близость свою съ возрождающейся русской демократіей, узнать русскій народъ и ему повѣрить.

За время своихъ лекцій Милюковъ завязалъ много личныхъ знакомствъ съ представителями американскаго общества. И лекціи, и знакомства много способствовали началу выросшаго впоследствии сближенія Россіи съ Англійей и Америкой.

Въ Чикаго Милюковъ получилъ новое приглашеніе—прочестъ тамъ же на слѣдующій годъ осенью и зимою нѣсколько лекцій въ университетѣ о Балканскихъ славянахъ, а въ другомъ американскомъ городѣ, Бостонѣ,—опять лекціи о Россіи. Последнія предназначены были для избран-

ной—въ смыслѣ образованности—американской публики; онѣ должны были состояться въ особомъ учрежденіи въ Бостонѣ—институтѣ имени Лоуэлла (Lowell-Institution), куда приглашаются лекторами только признанные, наиболѣе выдающіеся ученые всего міра.

Промежутокъ между Чикаго и Бостономъ Милюковъ рѣшилъ провести въ Англии, чтобы еще больше освоиться съ англійскимъ языкомъ и, кромѣ того, заняться въ Лондонѣ въ Британскомъ музеѣ изученіемъ книгъ и статей по Балканскому вопросу; въ Лондонѣ же Милюковъ рѣшилъ написать и второй выпускъ III части своихъ „Очерковъ по исторіи русской культуры“.

Всю зиму и весну Милюковъ, какъ и предполагалъ, провелъ въ Англии. Лѣтомъ онъ отправился на Балканы; Милюкову хотѣлось побывать въ тѣхъ мѣстахъ Балканскаго полуострова, гдѣ онъ прежде еще не былъ. Это—западные Балканы (Далматское побережье Адриатическаго моря, Боснія, Герцеговина, Черногорія).

Осенью 1904 г., по дорогѣ въ Америку, Милюковъ заѣхалъ въ Парижъ. Туда его привлекли дѣла политическія. За время 1903—1904 годовъ, особенно изъ-за японской войны, усилилось въ Россіи оппозиціонное движеніе противъ царской власти. Недовольство самодержавнымъ строемъ проникло въ разные круги русскаго народа. Среди земскихъ дѣятелей опредѣленно заговорили о конституціи.

Значительные круги земскихъ дѣятелей и служащихъ земствъ („третій элементъ“), а также ученыхъ и писателей объединились въ особый тайный „Союзъ Освобожденія“. Союзъ ставилъ своей задачей добиться въ Россіи отмены самодержавія и установить конституціонное правленіе на демократическихъ основахъ. (Впоследствии большая часть членовъ союза образовала „партію народной свободы“; меньшинство примкнуло къ социалистическимъ партіямъ).

Милюковъ былъ однимъ изъ создателей этого конституціоннаго движенія. Когда наладился для цѣлей Союза заграничный журналъ „Освобожденіе“, Милюкову было предложено стать его редакторомъ. Не желая уѣзжать изъ Россіи, Милюковъ указалъ имя П. В. Струве, какъ редактора

„Освобожденія“. Миллюковъ написалъ и первую отвѣтственную статью новаго журнала. Статью эту Миллюковъ прежде, чѣмъ переслать въ „Освобожденіе“, подробно обсудилъ совместно съ И. И. Петрункевичемъ, вождемъ земской конституціонной группы, и другими политическими друзьями. „Освобожденіе“ издавалось сперва въ нѣмецкомъ городѣ Штуттгартѣ, а затѣмъ, вслѣдствіе полицейскихъ придиорокъ нѣмецкихъ властей, изданіе перенесено было въ Парижъ.

Помимо журнала, у Миллюкова было въ Парижѣ и другое дѣло. Какъ-разъ ранней осенью 1904 года въ Парижѣ состоялось совѣщаніе представителей нѣкоторыхъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ кружковъ. Соціал-демократы отказались принять участіе въ этомъ совѣщаніи. Отъ конституціоналистовъ, кромѣ Миллюкова, были Струве и кн. Петръ Долгоруковъ; отъ социалистовъ-революціонеровъ—Черновъ и, оказавшійся впоследствии провокаторомъ, „знаменитый“ Азефъ; отъ поляковъ Дмовскій и Балицкій; кромѣ того, были представители и другихъ національных организацій.

Совѣщаніе это установило общую для всѣхъ цѣль—устраненіе неограниченнаго царскаго самодержавія, предоставивъ каждой партіи добиваться этой цѣли свойственной ей политической тактикой.

Изъ Парижа Миллюковъ долженъ былъ ѣхать прямо въ Америку, но его стали усиленно звать на съѣздъ земцевъ, который долженъ былъ состояться въ Петербургѣ 6 ноября и впервые въ Россіи—гласно и открыто высказаться за необходимость ограниченія самодержавія. Миллюковъ не былъ земскимъ гласнымъ, такъ какъ у него не было земли; его пригласили въ бюро съѣзда въ качествѣ ученаго политика, одного изъ руководителей Союза Освобожденія. Миллюковъ помчался изъ Парижа въ Петербургъ, успѣлъ принять участіе въ предварительномъ обсужденіи программы знаменитаго съѣзда. На самый съѣздъ Миллюковъ остаться уже не могъ: ему надо было спѣшить въ Ливерпуль на пароходъ.

Въ Бостонѣ, гдѣ слушателей было до 500 человекъ, Миллюковъ прочелъ шесть лекцій о конституціонномъ

и революціонномъ движеніи въ Россіи (эти лекціи составили вторую половину его англійской книги о Россіи— „Russia and its crisis“). Аудиторія, какъ сказано, была отборно-интеллигентская въ лучшемъ смыслѣ слова; бесѣды лектора со слушателями послѣ лекцій были для самого лектора чрезвычайно интересны.

Изъ Бостона Милюковъ проѣхалъ въ Чикаго и началъ свой курсъ о Балканскихъ славянахъ. Курсъ этотъ, однако, остался незаконченнымъ. Изъ 12 лекцій Милюковъ прочелъ всего 8. Въ это время пришла вѣсть о Гапоновскомъ рабочемъ движеніи въ Петербургѣ и о кровавомъ воскресеньѣ 9 января. Понявъ, что въ Россіи начинается революція, Милюковъ рѣшилъ по возможности скорѣе вернуться на родину. Онъ прервалъ свой курсъ и покинулъ Америку.

III. Партія Народной Свободы и двѣ первыя Государственныя Думы (1905—1907).

Ранней весной 1905 года прямо изъ Америки Милюковъ приѣхалъ въ Москву и сразу принялъ участіе въ развивавшемся общественномъ движеніи. Тогда въ Москвѣ въ частныхъ квартирахъ попросторнѣе и въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ устраивались полугласно лекціи и собранія по общественнымъ вопросамъ. Публика съ жадностью ловила новыя, дотолѣ запрещенныя слова.

Милюковъ читалъ лекціи о всеобщемъ избирательномъ правѣ, о желательномъ конституціонномъ строѣ, о двухъ политическихъ теченіяхъ въ Россіи: либеральномъ и социалистическомъ. Эта послѣдняя лекція представляла какъ бы сжатое изложеніе всего того курса, который онъ прочелъ въ Америкѣ, въ Бостонѣ. Милюковъ проводилъ мысль о необходимости обоимъ теченіямъ сблизиться, такъ какъ передъ ними стояла общая цѣль—преобразование всего политическаго строя въ Россіи. Эту лекцію Милюковъ ѣздилъ читать въ различные русскіе города.

Когда на земскомъ съѣздѣ въ Москвѣ въ апрѣлѣ и въ маѣ 1905 года начали выработать проектъ конституціон-

наго устройства русскаго государства, Милюковъ принималъ горячее участіе въ разработкѣ этого проекта.

Большую роль въ тогдашней общественной жизни играли не настоящія политическія партіи, а союзы, объединявшіе оппозиціонно-настроенныхъ людей одной профессіи. Такъ, были союзы инженеровъ, ученыхъ, писателей, земскихъ дѣятелей. Милюковъ былъ членомъ двухъ такихъ союзовъ. Отдѣльные союзы объединились вмѣстѣ въ общій „Союзъ Союзовъ“. Однимъ изъ главныхъ организаторовъ этого общаго Союза былъ опять Милюковъ. Онъ выработывалъ политическую „платформу“ Союза Союзовъ; онъ же сдѣлался предсѣдателемъ главнаго бюро.

Въ напряженной агитаціонной и организаціонной работѣ прошло все лѣто 1905 года. 6 августа, въ видѣ первой крупной уступки русскому обществу, царь издалъ манифестъ о созывѣ совѣщательной Государственной Думы, которую придумалъ Булыгинъ. Милюковъ совѣтовалъ воспользоваться этой Думой, какъ ступенью для достиженія болѣе совершеннаго народнаго представительства. 7 августа утромъ была напечатана его статья объ этомъ въ газетѣ „Сынъ Отечества“. 7 августа днемъ на квартирѣ Милюкова въ Удѣльной назначено было засѣданіе главнаго бюро Союза Союзовъ. Всѣ собравшіеся, въ томъ числѣ и самъ Милюковъ, были арестованы и привезены въ Кресты. Милюковъ пробылъ въ тюрьмѣ немного больше мѣсяца. Выпуская его, ему такъ и не объяснили причины его ареста.

Выйдя на свободу, Милюковъ вновь принялся за прерванную политическую работу. Онъ считалъ, что настало время готовиться къ тому уже недалекому времени, когда подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія правительство согласится создать настоящую Государственную Думу. Надо подготовиться къ будущимъ выборамъ; для этого недостаточны оппозиціонные союзы безъ ясной программы; нужны точно обозначенныя политическія партіи.

На земскихъ съѣздахъ, въ которыхъ принималъ участіе Милюковъ, намѣтились вполне ясно и опредѣлено два теченія: большинство — болѣе лѣвое, меньшинство — болѣе правое. Это большинство по большей части входило и въ

„Союзъ Освобожденія“. При участіи Милюкова въ октябрѣ 1905 года былъ устроенъ съѣздъ представителей отъ земскаго конституціоннаго большинства и отъ „Союза Освобожденія“. Съѣздъ долженъ былъ учредить первую въ Россіи большую открытую политическую партію—конституціонно-демократическую („партія народной свободы“).

14 октября съѣздъ началъ свои работы. Въ это время по всей странѣ взымалась уже волна забастовочнаго движенія. Во время самаго съѣзда появился манифестъ 17 октября, въ которомъ ясно обѣщаны были царемъ конституція и выборы въ Думу; благодаря этому, сдѣлалась особенно неотложной задача образованія партіи.

Послѣ 17 октября политическое броженіе не сразу улеглось. Революціонное движеніе сперва даже усилилось, приняло острыя формы „вооруженнаго возстанія“ (особенно въ Москвѣ). Болѣе состоятельные круги общества въ испугѣ отшатнулись отъ революціи. На этомъ раздѣленіи русскаго народа сыграли царскіе министры Витте и Дурново; вооруженное возстаніе въ Москвѣ было подавлено; только что народившаяся конституціонно-демократическая партія попала въ трудное положеніе между революціей и реакціей; пользуясь ослабленіемъ конституціонныхъ настроеній въ русскомъ обществѣ, царь, передъ самымъ созывомъ Думы, издалъ „основные законы“, которые урѣзывали права народнаго представительства.

Въ декабрѣ 1905 года Милюковъ началъ редактировать газету, проводившую въ сознаніе читателей то, чего придерживалась „партія народной свободы“. Газета называлась сперва „Свободный народъ“. Вышло ея всего два номера, послѣ которыхъ постановленіемъ судебной палаты газета была пріостановлена. Тогда взамѣнъ появилась другая газета—тоже подъ редакціей Милюкова—подъ заглавіемъ „Народная Свобода“. Этой газеты успѣло выйти только пять номеровъ. Какъ редакторъ, Милюковъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности по 1 и 3 пунктамъ 129 статьи Уголовнаго Уложенія (нарающимъ за попытку къ ниспроверженію основъ существующаго строя).

Это было для царскаго правительства очень кстати: дѣло Милюкова затянули, а между тѣмъ, согласно закону о выборахъ въ Государственную Думу, кто привлечень былъ къ суду по 129 статьѣ—тотъ не могъ принять участія въ выборахъ: ни самъ голосовать, ни быть избираемымъ. Выставившій свою кандидатуру, Милюковъ былъ „разъясненъ“ и не могъ попасть депутатомъ въ первую Государственную Думу. Этимъ „разъясненіемъ“ судьба спасла Милюкова для дальнѣйшей политической жизни, потому что благодаря этому онъ не попалъ и въ число „выборжцевъ“—депутатовъ первой Думы, которые были лишены политическихъ правъ послѣ конца первой Думы и „выборгскаго воззванія“.

При выборахъ въ первую Государственную Думу Милюкову и его политическимъ друзьямъ пришлось не только отстаивать свою партію, но больше того: доказывать необходимость и жизненность самыхъ выборовъ; лѣвыя партіи, социаль-демократы и социалисты-революціонеры, объявили „бойкотъ“ этимъ выборамъ, считая Думу недостаточной уступкой царя и требуя взамѣнъ немедленнаго созыва Учредительнаго Собранія. Конечно, эти требованія тогда были слишкомъ отвлеченны. Надо было брать, что давала жизнь.

Партія народной свободы имѣла на выборахъ большой успѣхъ: болѣе трети всѣхъ депутатовъ состояло изъ представителей этой партіи. Незадолго до открытія Думы происходилъ съѣздъ (третій) членовъ партіи, на которомъ обсуждалось, что должны дѣлать въ Думѣ представители партіи, какъ себя держать по отношенію къ старой власти и къ другимъ партіямъ. Докладъ объ этой „тактикѣ“ партіи въ Думѣ составленъ былъ Милюковымъ; послѣ обсуждения, докладъ былъ одобренъ съѣздомъ. Съ этихъ поръ на всѣхъ партійныхъ совѣщаніяхъ, Милюковъ составлялъ, отъ имени центрального комитета партіи, доклады объ ея „тактикѣ“. Милюковъ не попалъ въ Думу, но оказалъ большое вліяніе на ея дѣятельность.

Вмѣсто газетъ „Свободнаго народа“ и „Народной Свободы“, теперь создавалась въ томъ же духѣ газета „Рѣчь“. Милюковъ сдѣлался ея дѣйствительнымъ редакторомъ и въ

качествѣ представителя печати постоянно посѣщалъ засѣданія Думы.

Во время первой Думы среди окружающихъ царя возникла мысль — пойти для видимости навстрѣчу Думѣ и образовать министерство почти сплошь изъ членовъ Думы; царь дѣлалъ только одну оговорку — министерство военное, морское и внутреннихъ дѣлъ (полиція) непременно должны остаться въ рукахъ его ставленниковъ. Такъ какъ Милюковъ, не будучи членомъ Думы, занималъ въ руководящей думской партіи видное мѣсто, переговоры велись именно черезъ него. Милюковъ наотрѣзъ отказался отъ царскаго предложенія и рѣшительно заявилъ, что члены Думы могутъ лишь тогда сдѣлаться министрами, если вся власть будетъ имъ передана, то-есть, если будетъ образовано цѣльное отвѣтственное министерство сплошь изъ лицъ, которымъ Дума вѣритъ. Иначе всегда возможенъ обманъ со стороны царя.

Кромѣ того, Милюковъ поставилъ условіемъ всеобщую амнистію, отмѣну государственнаго совѣта, перемѣну всѣхъ высшихъ чиновниковъ и т. д.

На такія требованія, конечно, царскіе слуги не пошли, и изъ предложенія ничего не вышло.

Какъ извѣстно, первая Дума окончила свое существованіе, когда правительство Николая II увидѣло, что, благодаря непониманію и расколу между болѣе умѣреннымъ большинствомъ Думы и болѣе лѣвыми партіями, большинство ослаблено и не можетъ найти себѣ нужной опоры въ странѣ. 9 іюля Дума была распущена. Милюковъ, какъ редакторъ „Рѣчи“, узналъ объ этомъ раньше другихъ и немедленно подъ утро, на велосипедѣ, объѣхалъ наиболѣе видныхъ депутатовъ-членовъ партіи; уже утромъ 9 іюля устроено было ихъ совѣщаніе, на которомъ рѣшено было всѣмъ депутатамъ уѣхать изъ Петербурга въ Финляндію, гдѣ удалось бы всѣмъ собраться вмѣстѣ и подписать воззваніе къ русскому народу съ протестомъ противъ роспуска и съ призывомъ не платить податей и не давать рекрутовъ. Предварительный текстъ воззванія составленъ былъ Милюковымъ и обсужденъ въ центральномъ комитетѣ партіи

народной свободы. Милюковъ ѳзидилъ и въ Выборгъ, но непосредственно въ принятіи воззванія не участвовалъ, такъ какъ не былъ депутатомъ.

Народъ не поддержалъ Думу. Все сложилось иначе чѣмъ въ 1917 году...

Осенью 1906 года происходили выборы во вторую Государственную Думу. Выборы эти происходили при постоянныхъ стѣсненіяхъ и преслѣдованіяхъ со стороны администраціи. Всѣхъ, кого можно, правительство „разъясняло“, стараясь не допускать въ Думу лицъ неугоднаго направленія. Въ число „разъясненныхъ“ попалъ опять и Милюковъ. Теперь правительство придралось къ тому, что Милюковъ проживаетъ на нѣсколько дней менѣе года на той квартирѣ, которая составляла его „цензъ“, давала ему право на участіе въ выборахъ.

Но опять, не будучи выбраннымъ въ Думу, Милюковъ имѣлъ громадное вліяніе на ея „тактику“. Огромное большинство членовъ первой Думы, какъ „выборжцевъ“ не могло попасть во вторую Думу. Весь цвѣтъ партіи народной свободы, наиболѣе опытные и искусные ея политическіе дѣятели, остались за стѣнами Таврическаго Дворца. Тѣмъ нужнѣе были для выбранныхъ депутатовъ постоянные совѣты и руководство Милюкова. Въ это время его выдающаяся роль получила общее признаніе среди членовъ партіи; онъ былъ избранъ предсѣдателемъ центрального комитета партіи.

Послѣ роспуска второй Думы весной 1907 года, царь измѣнилъ избирательный законъ въ пользу болѣе зажиточныхъ и консервативныхъ слоевъ общества. Въ большихъ городахъ избиратели раздѣлены были на двѣ части („куріи“); въ 1-ую входили богатые домовладѣльцы и сановники; 2-ая курія была болѣе демократическаго состава и гораздо многочисленнѣе. Тѣмъ не менѣе обѣ избирали по одинаковому числу депутатовъ. Благодаря новому закону, правительство твердо разсчитывало на избраніе депутатовъ, которые бы во всемъ согласились его поддерживать. Поэтому администрація проявила меньше усердія въ стѣсненіяхъ выборной свободы. Милюковъ выставилъ свою кан-

дидатуру по 2-ой куріи города Петербурга, „разъясненъ“ не былъ и былъ выбранъ значительнымъ большинствомъ голосовъ.

IV. Третья и четвертая Государственные Думы (до войны 1907—1914).

Положеніе Милюкова въ третьей Думѣ было очень трудное. Правительство не обманулось въ своихъ расчетахъ: благодаря новому избирательному закону, оно получило „законопослушную“ думу. Большинство депутатовъ принадлежало къ „октябристамъ“, „націоналистамъ“ и другимъ правымъ партіямъ; изъ меньшинства часть была членовъ партіи народной свободы, а часть несогласныхъ съ ними крайнихъ лѣвыхъ социалистическихъ партій трудовиковъ (частью социалисты-революціонеры) и социаль-демократовъ.

Слѣва Милюковъ часто наталкивался на непониманіе и недовѣріе. Справа онъ встрѣтилъ ожесточенную вражду. Торжествующіе свою побѣду, крупные помѣщики и капиталисты, натерпѣвшіеся страху въ 1905 году, вымещали на Милюковѣ и на его политическихъ друзьяхъ весь накопившійся у нихъ испугъ и злобу. Милюкова почти не хотѣли слушать. Онъ однако не смущался. Онъ говорилъ то, что хотѣлъ. Чувствуя себя не въ силахъ возразить ему въ открытомъ честномъ спорѣ, крайніе правые его противники прибѣгали къ клеветѣ или начинали заугивать его, грозя ему убійствомъ. Организовано было даже покушеніе на жизнь Милюкова; дѣло, впрочемъ, ограничилось однимъ случаемъ уличнаго нападенія на него. Послѣ его рѣчей въ защиту правъ Финляндіи, черносотенная газета „Русское Знамя“ пустила гнусный клеветнический слухъ о матеріальной заинтересованности Милюкова въ этомъ вопросѣ.

Членовъ партіи народной свободы Дума не допустила въ комиссію по военнымъ и морскимъ дѣламъ.

Во время рождественскихъ каникулъ 1907—1908 годовъ Милюковъ ѣздилъ опять въ Америку, куда его снова

пригласили — прочесть лекцію о Россіи въ городѣ Нью-Йоркѣ (въ аудиторіи подъ названіемъ Civic-Forum). Миллюковъ пробылъ въ Америкѣ всего три дня, однако успѣлъ съѣздить въ городъ Вашингтонъ, гдѣ бесѣдовалъ и познакомился со многими американскими парламентскими дѣятелями (членами конгресса). Его долженъ былъ принять и президентъ, но этому воспротивился русскій посоль.

Поѣздка Миллюкова вызвала яростныя нападкы среди членовъ третьей Думы. Крайніе правые депутаты изображали дѣло такъ, будто Миллюковъ тѣмъ, что рассказаль американцамъ о ходѣ русской государственной жизни, совершилъ какую-то измѣну, чуть не преступленіе. Когда Миллюковъ вернулся въ Россію, большинство Думы не стало его слушать и покинуло залъ засѣданій. Свою „непроизнесенную рѣчь“ Миллюковъ отпечаталъ тогда въ видѣ особой брошюры.

Несмотря на все гоненіе съ большинства думскихъ скамей, къ словамъ Миллюкова и тамъ не могли не прислушаться. Каждая его рѣчь была богата точными цифрами, подкрѣплена фактами, солидно обоснована; съ его рѣчами нельзя было не считаться. И мало-по-малу члены даже третьей Думы стали уважать Миллюкова и разбираться въ томъ, что онъ говорилъ. Онъ выступалъ по вопросамъ конституціоннымъ, земельнымъ, національнымъ. Особенно охотно онъ говорилъ по вопросамъ иностранной политики. Здѣсь онъ всегда заявлялъ себя сторонникомъ передовыхъ демократій міра—Англіи и Франціи противъ строго монархическихъ Германіи и Австріи.

По мнѣнію Миллюкова, узелъ международной политики находился на Балканахъ. Миллюковъ считалъ нужнымъ внимательно слѣдить за развитіемъ Балканской политической жизни. Въ 1908—1909 годахъ, послѣ младо-турецкой революціи, онъ ѣздилъ опять на Балканы, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ.

Послѣ этой поѣздки Миллюкову стало особенно ясно, что Германія хочетъ использовать Балканскій полуостровъ и Турцію, чтобы проложить себѣ путь на востокъ. Поэтому Миллюковъ горячо привѣтствовалъ образованіе свободнаго

союза Балканскихъ народностей, Болгаріи, Сербіи, Греціи, Черногоріи.

Послѣ войны ихъ съ Турціей въ 1912 году, эти государства, какъ извѣстно, перессорились между собою: Болгарія воевала съ Сербіей и Греціей. При этомъ обѣ враждебныя стороны обвиняли другъ-друга въ коварствѣ и жестокостяхъ. По окончаніи войны, американскимъ милліардеромъ Карнеги были снаряжена на Балканы особая экспедиція изъ представителей различныхъ европейскихъ странъ. Отъ Россіи въ комиссію приглашенъ былъ Милюковъ.

Въ 1912 году третья Дума закончила свои работы. На выборахъ въ четвертую отразилось повышенное настроеніе въ Россіи—противъ правительства. Несмотря на тотъ же узкій избирательный законъ, представители оппозиціи прошли на выборахъ въ нѣсколько большемъ количествѣ, чѣмъ въ третью Думу. Милюковъ былъ переизбранъ отъ второй куріи города Петербурга огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Въ четвертой Думѣ въ теченіе конца 1912 и 1913 годовъ Милюковъ велъ прежнюю свою политику. Это была борьба за конституцію. Но бороться было уже легче: противники присмотрѣлись къ Милюкову и начали уважать его точку зрѣнія.

Всѣ усилія Милюкова были направлены къ тому, чтобы объединить въ Думѣ всѣхъ готовыхъ стать на защиту конституціоннаго порядка (права народныхъ представителей) противъ возвращенія самодержавія. Милюковъ не упускалъ ни одного самаго мелкаго случая, чтобы не выступить въ защиту конституціи и Думы.

Въ борьбѣ за конституцію прошло и начало 1914 года.

Лѣтомъ начались всѣмъ памятныя международныя осложненія... 19 іюля вечеромъ Германія объявила войну Россіи.

V. Война (1914—1917).

Возможность войны Милюковъ давно предвидѣлъ. Не даромъ иностранная политика русскаго правительства уже нѣсколько лѣтъ была предметомъ его особаго вниманія.

Милюковъ зналъ, что лишь величайшими дипломатическими усиліями западно-европейскихъ демократій — Англии и Франціи — удастся предотвратить столкновение.

Цѣлью Милюкова было сохраненіе мира. Онъ надѣялся этого достигнуть путемъ сближенія Россіи съ демократическими государствами. Но кромѣ того, онъ вѣрилъ въ возможность сближенія не только государствъ, а самихъ народовъ. Для этого онъ горячо поддерживалъ международный союзъ депутатовъ-„пацифистовъ“ (ставившихъ своею цѣлью обезпечить сохраненіе мира между народами путемъ устройства третейскихъ судовъ для разбирательства споровъ между народами). Милюковъ былъ товарищемъ председателя русской группы международного парламентскаго союза для осуществленія третейскаго суда, участвовалъ въ сѣздахъ союза въ Берлинѣ и въ Брюсселѣ (1907—1911 г.г.), въ качествѣ члена комиссіи Карнеги онъ былъ какъ-разъ весною 1914 года на сѣздѣ пацифистовъ въ честь американца Моррей Потлера въ Парижѣ, гдѣ произнесъ очень рѣзкую рѣчь противъ всѣхъ желающихъ вызвать осложненія между государствами.

Когда лѣтомъ 1914 года осложненія все таки начались, Милюковъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы ихъ благополучно прекратить. Въ рядѣ статей въ газетѣ „Рѣчь“ Милюковъ настойчиво убѣждалъ всѣхъ — не начинать войны изъ-за осложненій только между Австріей и Сербіей, — всячески стремиться къ тому, чтобы уладить возникшій споръ мирнымъ путемъ международного сговора.

Въ такомъ поведеніи „Рѣчи“ усмотрѣно было сочувствіе Австріи: какъ только тогдашнія наши власти получили извѣстіе, что Германія объявила войну Россіи, газета „Рѣчь“ немедленно была закрыта по распоряженію бывшаго великаго князя Николая Николаевича. Правительство думало, что германская война будетъ такъ же встрѣчена русскимъ обществомъ, какъ японская. Поэтому правительство заранѣе принимало мѣры, чтобы заглушить ожидаемые протесты.

Правительство ошибалось. Русское общество сразу вѣрно оцѣнило смыслъ событій. Японская война была аван-

тирой нѣсколькихъ высокопоставленныхъ капиталистовъ; теперь нападеніе Германіи угрожало жизненнымъ интересамъ, самому существованію русскаго народа и западноевропейскихъ демократій. На одной сторонѣ были монархическія Германія и Австрія; на другой — республиканская Франція и тоже монархическая Россія. Но разъ русскій народъ подвергся нападенію—не приходилось въ первую-же минуту разбираться въ томъ, правильно ли русское государственное устройство. Надо было брать вещи такими, какими ихъ дала судьба.

На эту точку зрѣнія сразу стала партія народной свободы, призывая въ своемъ воззваніи русскихъ гражданъ защищать Россію.

Когда выяснилось такое настроеніе партіи, выходъ газеты „Рѣчь“ сталъ вновь возможенъ. Голосъ Милокова могъ звучать на всю страну.

Въ трудныхъ и тяжелыхъ условіяхъ, побѣждая внутреннія противорѣчія полусамодержавнаго строя, Милоковъ призывалъ русское общество сплотиться тѣснѣй, стоять вмѣстѣ въ надвинувшейся военной грозѣ.

Все свое время, всѣ силы Милоковъ отдалъ трудному дѣлу — организаціи побѣды въ Россіи. Здѣсь предстояла борьба на два фронта. Надо было думать и о томъ, чтобы царское правительство не предало интересовъ страны въ руки Вильгельма, и о томъ, чтобы въ борьбѣ оно не задушило начатковъ русской самодѣятельности, русской свободы.

Противъ темныхъ безответственныхъ силъ русскаго самодержавія, противъ Сухомлиновщины и Распутищины Милоковъ старался объединить и организовать здоровыя общественныя силы.

Особенно много онъ трудился надъ созданіемъ изъ „законопослушной“ IV Думы настоящаго парламента, способнаго сосредоточить въ себѣ живую мысль и волю народа.

Съ этою цѣлью онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы создать въ Думѣ прочное большинство; онъ убѣждалъ составить одно цѣлое, согласовать свои дѣйствія—всѣхъ депутатовъ, которые благо и побѣду Россіи ставили выше

приверженности къ старымъ монархическимъ формамъ правленія. Милюкову удалось объединить въ одинъ „парламентскій блокъ“ главныя думскія партіи: націоналистовъ, октябристовъ, земцевъ, прогрессистовъ, кадетовъ (членовъ партіи народной свободы). Только крайніе правые и крайніе лѣвые не вошли въ „блокъ“. Но во многихъ существенныхъ вопросахъ трудовики и социаль-демократы поддерживали „блокъ“.

Партіи, вошедшія въ „блокъ“, кое въ чемъ уступили другъ-другу: прогрессисты и кадеты согласились не выдвигать въ первую же очередь вопросовъ коренного преобразования общественнаго и государственнаго строя: націоналисты и октябристы обѣщали зато поддерживать требованія мѣстнаго самоуправления, большей свободы союзовъ, національностей, печати. Всѣ согласились единодушно добиваться того, чтобы во главѣ управленія стояли министры, заслуживающіе общественнаго довѣрія и способные вести русскій народъ къ побѣдѣ надъ вторгшимися германцами.

Когда лѣтомъ 1915 г. наша армія оставлена была Сухомлиновымъ безъ снарядовъ и отступала, отчаянно отбиваясь, вглубь Россіи, глухой ропотъ пошелъ по всей странѣ. Правительство вынуждено было собрать распущенную передъ тѣмъ Государственную Думу.

Много смѣлыхъ рѣчей о непорядкахъ въ Россіи, о царскомъ строѣ, душащемъ все живое, произнесли тогда видные члены Государственной Думы. Среди этихъ рѣчей особенное впечатлѣніе произвела рѣчь Милюкова въ годовщину объявленія войны, 19 іюля 1915 г.

Въ связи съ военной неудачей Милюковъ перенесъ тяжкое личное горе: его младшій сынъ, 20-лѣтній прапорщикъ Сергѣй, пошедшій добровольцемъ въ пѣхоту, былъ убитъ въ одномъ изъ сраженій во время отступленія русской арміи на Брестъ. (Старшій сынъ Милюкова, студентъ-естественникъ Николай, призванный какъ артиллерійскій прапорщикъ запаса, съ самаго начала войны непрерывно находится на фронтѣ, участвуя во всѣхъ бояхъ).

Зима 1915—1916 гг. прошла въ лихорадочной работѣ русскаго общества на оборону страны. Возникли военно-

промышленные комитеты; въ первое время расширились права земского и городского союзовъ. Но какъ только чуть-чуть упрочилось положеніе на войнѣ, царское правительство забеспокоилось слишкомъ, по его мнѣнію, широкимъ развитіемъ общественности въ Россіи. Къ веснѣ 1916 г. правительство стало усиленно стѣснять работу союзовъ.

Раннимъ лѣтомъ 1916 г. Милюковъ отправился вмѣстѣ съ рядомъ другихъ депутатовъ въ союзныя страны, чтобы упрочить личными связями государственный союзъ. Милюковъ вмѣстѣ съ другими своими товарищами проѣхалъ Швецію, Норвегію, Англию, Францію, былъ въ Италіи и Швейцаріи. За это свое путешествіе Милюковъ много видѣлъ, близко познакомился, какъ организуются для борьбы съ нѣмцами западныя страны, и много сдѣлалъ для того, чтобы на Западѣ ближе узнали и оцѣнили Россію, русское общество, русскій народъ.

Въ концѣ этого же лѣта Милюковъ ѣздилъ во второй разъ въ Англию по приглашенію Кембриджскаго Университета и читалъ въ городѣ Кембриджѣ лекціи о русской Гос. Думѣ и о Балканахъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими русскими учеными. Всѣ они были возведены въ почетную степень докторовъ Кембриджскаго Университета. На обратномъ пути Милюковъ, по приглашенію университета, прочелъ двѣ лекціи норвежцамъ въ Христианіи — о „душѣ русскаго народа“. Личныя знакомства Милюкова съ англійскими, американскими и французскими политическими дѣятелями много помогли впоследствии тому, что Англія, Франція и Америка послѣ революціи 27 февраля 1917 г. такъ скоро признали новое русское правительство: онѣ вѣрили Милюкову.

Настала осень 1916 г. Чувствуя свою сравнительную безопасность отъ германскаго натиска, царь Николай II дѣлался все смѣлѣе по отношенію къ русскому обществу. Запрещались съѣзды земскаго и городского союзовъ; сносные министры смѣнялись худшими. Уволенъ былъ министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ; на его мѣсто назначенъ подозрительный Штюрмеръ. Распутинъ управлялъ Россіей. Дѣлалось невыносимо.

1 ноября 1916 г. собралась послѣ очередного роспуска Государственная Дума. И тутъ Милюковъ произнесъ свою замѣчательную, смѣлую и прямую рѣчь о всѣхъ непорядкахъ Россіи, о необходимости перемѣны. Перемѣна уже близка—предупреждалъ Милюковъ—„въ воздухѣ чувствуется приближеніе грозы“.

Въ этой рѣчи Милюковъ передъ всѣми разоблачилъ губительную для Россіи политику Штюрмера и впервые назвалъ главную виновницу Распутинскаго режима—бывшую императрицу Александру Феодоровну, которая руководила всей германской партіей въ Россіи.

Безумный царь не внялъ предостереженіямъ. Всѣ реформы ограничились отставкой Штюрмера. Вскорѣ послѣ этого кружкомъ аристократическихъ заговорщиковъ убитъ Распутинъ. Словно, чтобъ показать, что не въ Распутинѣ дѣло, царь еще круче натянулъ поводья. Пошли слухи, что первымъ министромъ будетъ негодный Думѣ Протопоповъ. Дума была распущена; созывъ ея назначенъ на 12 января, потомъ отсроченъ до 14 февраля.

Когда Дума, собравшись опять, заявила, что Россія гибнетъ, царь опять попробовалъ ее распустить... Однако на этотъ разъ Дума не разошлась; солдаты ее поддержали. Произошелъ великій переворотъ 27 февраля 1917 года.

Революція прошла у всѣхъ передъ глазами и еще свѣжа у всѣхъ въ памяти. Милюковъ, по своимъ знаніямъ былъ сразу безспорнымъ кандидатомъ въ министры иностранныхъ дѣлъ. Милюкова теперь часто обвиняютъ въ томъ, что онъ—„кровожадный имперіалистъ“ и во имя какихъ-то, чуть-ли не корыстныхъ, интересовъ стремится къ захватамъ. Это, конечно, неправда.

Милюковъ признаетъ самоопредѣленіе всѣхъ народностей; онъ стремится къ прочному миру, съ установленіемъ международныхъ судебныхъ разбирательствъ (трибуналовъ).

Но онъ вѣрить, что къ этому мы можемъ прийти только путемъ побѣды надъ германскимъ имперіализмомъ и милитаризмомъ посредствомъ тѣснаго единенія съ союзными намъ свободными демократіями, которыя уже признали формально право Россіи на свободный выходъ къ морю путемъ подчиненія себѣ проливовъ.

Въ зависимости отъ того, какъ опредѣлится будущій миръ—только и можно окончательно рѣшить судьбу Дарданеллъ; для Россіи необходимо одно—обезпечить себѣ свободное ими пользованіе и закрытіе ихъ для чужихъ военныхъ судовъ. Какъ этого достигнуть—вопросъ праздный, пока идетъ война; не изъ-за Дарданеллъ она ведется и будетъ вестись. Но выкидывать сейчасъ какой-нибудь опредѣленный лозунгъ отказа отъ Дарданеллъ значитъ только безъ нужды связать Россію еще до будущей мирной конференціи.

Важны не отдѣльныя подробности будущаго мирнаго договора, а общее согласіе между народами о прочности будущихъ международныхъ отношеній. Для обезпеченія этой прочности союзники Россіи уговорились содѣйствовать освобожденію народностей Австро-Венгріи и Турціи. Такимъ образомъ, Германія не сможетъ поработить этихъ своихъ союзниковъ и открыть себѣ дорогу отъ Берлина къ Персидскому заливу.

Нѣкоторыя крайнія соціалистическія группы въ Европѣ возстали противъ такихъ рѣшеній. По ихъ мнѣнію, прочный миръ можетъ быть достигнутъ лишь тѣмъ, что пролетаріи всѣхъ странъ заставятъ свои правительства помириться на томъ, какъ было до войны, „безъ аннексій и контрибуцій“, покончивъ войну въ ничью. Милюковъ не могъ согласиться съ этимъ взглядомъ, который онъ считалъ выгоднымъ только для Германіи, опаснымъ для жизненныхъ интересовъ Россіи и нисколько не обезпечивающимъ отъ повторенія будущихъ нападеній со стороны Германіи. Когда отъ Милюкова потребовали, чтобы онъ убѣдилъ союзниковъ пересмотрѣть всѣ данныя и полученныя ими обязательства съ цѣлью скорѣйшаго окончанія войны, „безъ аннексій и

конструкцій“, онъ отказался. Милюковъ не хотѣлъ нести отвѣтственности за потерю правъ, уже выговоренныхъ Россіей и заслуженныхъ тѣми милліонными жертвами, которыя она принесла. Милюковъ ушелъ изъ состава Временнаго Правительства какъ разъ тогда, когда въ Правительство вошли сторонники этой потери.

Послѣ его ухода изъ правительства преемники его никакой социалистической „интернаціональной“ политики повести не сумѣли. Все дѣло свелось только къ тому, что стали возникать постоянныя недоразумѣнія въ отношеніяхъ Россіи съ союзниками.

Прямая линія русской международной политики была надломлена...

Когда Милюковъ еще былъ министромъ, у него просилъ разрѣшенія на въѣздъ въ Россію заграничный проповѣдникъ мира „безъ анексій и контрибуцій“, социалистъ интернаціоналистъ Робертъ Гриммъ, швейцарскій нѣмецъ, давно уже не стоявшій высоко въ европейскомъ общественномъ мнѣніи. Имѣя свѣдѣнія о томъ, что подъ личиною международнаго социализма Гриммъ собирается исполнять порученія германскаго правительства, Милюковъ не согласился впустить его въ Россію. Послѣ ухода Милюкова въ отставку, Гриммъ возобновилъ свое ходатайство. Новый министръ иностранныхъ дѣлъ Терещенко разрѣшилъ пріѣздъ Гримму подъ поручительствомъ министровъ социалистовъ Скобелева и Церетелли.

Гриммъ, какъ извѣстно, началъ въ Россіи вмѣстѣ съ большевиками вести дѣятельную пропаганду противъ русскаго наступленія на фронтъ. Дѣятельность Гримма оборвалась, когда перехвачена была телеграмма къ нему швейцарскаго министра Гофмана; изъ телеграммы было совершенно ясно, что Гриммъ является агентомъ Германіи и работаетъ въ пользу сепаратнаго мира Россіи съ Германіей. По распоряженію Временнаго Правительства, Гриммъ немедленно былъ высланъ изъ Россіи.

Правильность взглядовъ Милюкова подтвердилась въ этомъ частномъ случаѣ. Придетъ время, когда Россія оцѣнитъ взгляды Милюкова и во всей ихъ совокупности.

Милюковъ давній, испытанный вождь въ борьбѣ за политическое освобожденіе Россіи; Милюковъ—государственный дѣятель огромной широты знаній и опыта; Милюковъ—выдающійся знатокъ международныхъ отношеній, живая связь между Россіей и великими демократіями Запада и Америки.

EESTI RAHVUSRAAMATUKOGU

2-08-03904